

© 1990 г.

М. С. БЕРДЫЕВ, Ф. Н. ИЛЬСОВ

КОГДА БРАЧНЫЙ ПАРТНЕР ПОКУПАЕТСЯ

БЕРДЫЕВ Мухамедгельды Сарджаевич — младший научный сотрудник Института истории АН Туркменской ССР. В нашем журнале публикуется впервые. ИЛЬСОВ Фархад Назипович — кандидат философских наук, научный сотрудник Отдела философии и права АН Туркменской ССР. Постоянный автор журнала.

«Человек без цели — глина, без любви — осел» гласит туркменская пословица. Однако, если целью человека становится брак без любви, то кто же он тогда?! Калым и любовь — совместимы ли они? «Несовместимы» считают 46,8% респондентов¹; противоположной точки зрения придерживаются 8,5%; 28,3% полагают, что все зависит от обстоятельств. Словом, несмотря на некоторую «гуманизацию» покупного брака (большой учет мнений «молодых») противоречивость такой сделки сегодня достаточно сильна.

Материалы опроса показали: в настоящее время в республиках Средней Азии, Казахстане и Азербайджане свыше 68% браков заключаются с уплатой калыма. Существо проблемы, конечно, не только в распространении данного обычая и размере калыма (его сумма далеко не символическая — в среднем по региону 8476 руб.). Важно, что покупной брак отражает сложные общественные процессы.

Как возник калым и каково его социальное содержание? Исчерпывающе ответить пока нельзя. «Путь, которым шло развитие брачных уз, — заметил Ч. Дарвин, — дело темное» [1, с. 631]. Надо признать, что и сейчас, спустя век с лишним, оценка справедлива. Попробуем выделить главные причины, сдерживавшие в СССР разработку проблематики, интересующей нас в свете рассматриваемой темы.

Из крупных исследователей прошлого столетия — И. Баховена, Дж. Мак-Ленона и Л. Моргана — Ф. Энгельс, как известно, отдал предпочтение последнему, по сути всецело приняв его концепцию эволюции брака. Так получилось, что в советской литературе она стала называться энгельсовской (несмотря на все ссылки Энгельса на Моргана) и, соответственно, почитаться единственно верной, а посему окончательной. Не оттого ли во многом историко-теоретические аспекты брачно-семейных отношений разрабатывались у нас довольно робко и их удовлетворительного научного осмысления еще не дано? Нет, в частности, однозначного

¹ Опрос проведен в 1988–1989 учебном году творческим молодежным коллективом «Демос», созданном при Отделе философии и права АН Туркменской ССР. Информация собрана методом аудиторного анкетирования студентов коренной национальности столичных университетов Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана (N=2516). Использована четырехступенчатая квотная выборка.

понимания явления купного брака. До сих пор самой фундаментальной работой остается монография К. Каутского [2].

Таким образом вопрос об эволюции брака не исследовался, потому что считался закрытым. Отметим в этой связи, что моргановская концепция, поддержанная Энгельсом, была однолинейной, т. е. исходила из постулата, согласно которому брак в ходе многовекового исторического изменения своих форм имел одну и только одну линию развития. Выступление Каутского с теорией, обосновывающей двухлинейную эволюцию, уже само по себе порой расценивалось как критика марксизма. На этом фоне советские ученые старались быть сдержаннее в смысле новаторства.

Запрет лежал и на тесно смыкающейся с социологией брака области — социологии пола. А. С. Макаренко недвусмысленно указывал: «В совершенно здоровой семье и в совершенно здоровом обществе половые темы просто не возникают» [3, с. 246]. В 1937 г. (год публикации цитируемой работы) это звучало особенно убедительно. Поэтому не мог изучаться феномен, который Каутский назвал «половая цель брака» (брак как форма удовлетворения сексуальной потребности).

Впрочем, калым пребывал вне поля зрения исследователей и по другой причине — считалось, этого обычая в стране якобы не существует. «Мы знаем, — констатировал Макаренко, — что в некоторых странах происходит настоящая продажа и покупка женщин... Октябрьская социалистическая революция уничтожила все эти безобразные пережитки классового общества» [4, с. 102]. Но вопреки желаемому, столь нетерпеливо выдаваемому за действительное, калыма революция отнюдь не «уничтожила», хотя ситуация, связанная с ним, безусловно, значительно трансформировалась.

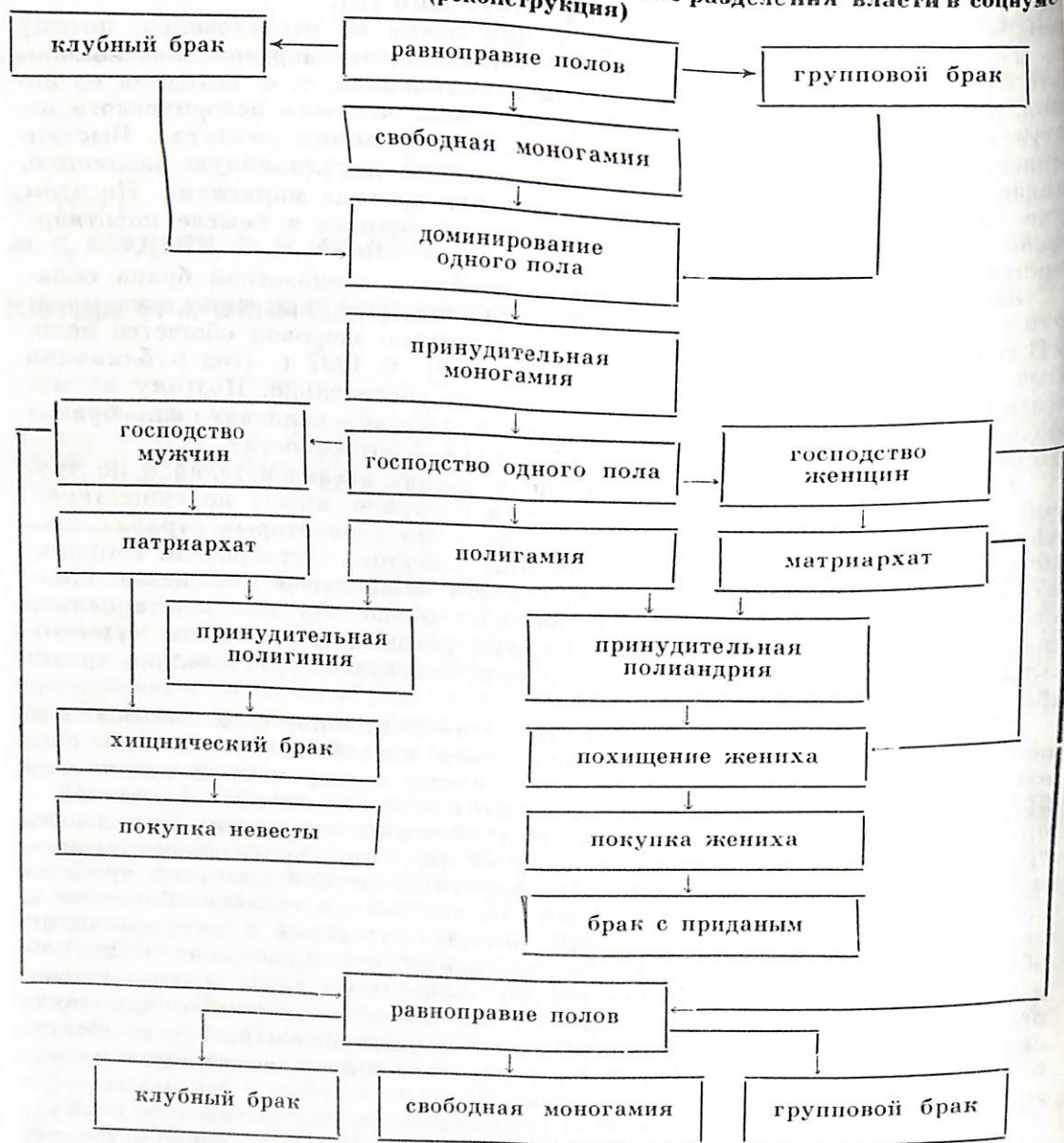
Какие движущие силы стимулируют эволюционное развитие брачных связей? Продуктивному пониманию этого способствовало бы, на наш взгляд, обращение к почти неиспользуемому в современной социологии брака теоретическому наследию того же Каутского и А. М. Коллонтай — предлагаемые ими подходы позволяют несколько по-новому исследовать проблему. Определяя, например, одну из пар таких противоборствующих сил, Каутский писал следующее: «...коммунистический инстинкт, требующий, чтобы женщина была общей собственностью, должен бороться с инстинктом индивидуалистическим, который стремится к монополизации объекта любви» [2, с. 47]. Это детерминанты психологические. Основной же социальный исток анализируемого процесса он видел в межполовом разделении власти. Для наглядности мы представили концепцию Каутского в виде схемы, отражающей этапы и последовательность эволюции брачных отношений. Она реконструирована с учетом возможного развития некоторых ее логических посылок.

На первом этапе эволюционного движения, по Каутскому (см. схему), существовало равноправие полов, что обусловило соответствующие формы брака: свободная моногамия («парный брак», «гетеризм»), свободные групповые браки (в том числе добровольные полигиния и полиандрия, клубный брак). Правда, мы склонны согласиться с Дарвином, полагавшим первым этапом в эволюции «статусный брак», когда положение, занимаемое индивидом в первобытной орде, полностью предопределяет его брачный статус, наподобие того, как это происходит в сообществах приматов.

На втором этапе, при доминировании одного из полов, возникают принудительные моно- и полигамия. Зарождаются две линии эволюции брака и, соответственно, две линии развития человеческой цивилизации.

Третий этап характеризуется тем, что доминирование одного пола перерастает, по мере развития данного социума, в господство. Господство

Схема эволюции брака в зависимости от межполового разделения власти в социуме
(реконструкция)

женского пола (одна из линий эволюции брака), порождая матриархат, приводит к принудительным полиандрии и моногамии. Основными формами (элементами) бракосочетания становятся умыкание (похищение) жениха или его покупка. Другая эволюционная линия проистекает из господства мужского пола. Оно вызывает к жизни патриархат, здесь основными формами соединения партнеров являются хищнический (умыкание) и покупной браки. Этим социальным условиям свойственны принудительные полигиния и моногамия.

На четвертом этапе, в условиях демократического общества, подразумевается восстановление равноправия полов, одновременное существование различных форм брака: свободная моногамия и свободные групповые брачные союзы.

Описанная концепция эволюции брака в целом вполне логична. Но она содержит существенный недостаток — нет убедительного объяснения причин доминирования, затем и господства того или иного пола. Так, вслед за некоторыми исследователями причиной матриархата Каутский считает возможность установления родительства (на определенном этапе общественного развития) только по материнской линии. По всей видимости, в подобном суждении причина и следствие меняются местами.

Вместе с тем, есть воззрения, думается, более обоснованные. Сошлемся на работу Коллонтай [5], где в качестве исходной посылки принимается тезис о том, что первое разделение труда в человеческом обществе заложено в определенной степени биологически обусловленными психофизиологическими различиями между полами. Проследим за мыслью автора. В первобытном племени женщины, как правило, заняты на сборе съедобных плодов и растений, а мужчины — на охоте. В зависимости от условий среды обитания то или другое дает стабильное жизненное обеспечение. В соответствии с этим пол, специализирующийся на более эффективной трудовой деятельности, начинает занимать доминирующее положение в социуме. Женщины главенствуют в регионах с обилием флоры, мужчины — фауны. Впоследствии сбор плодов эволюционирует в земледелие, а охота — в скотоводство. С утверждением приоритетности видов труда происходит начальная специализация примитивных племен — образуются два типа системы хозяйства: «земледелие—охота» и «скотоводство—сбор флоры». В первом случае возникает матриархат, во втором — патриархат.

Развивая эту точку зрения, допустимо предположить, что далее по мере совершенствования орудий земледельческого труда и уменьшения эффективности охоты, племена с системой хозяйства «земледелие—охота» практически полностью становятся земледельческими (с отдельными элементами скотоводства). Мужчины переходят к земледельческому труду, вытесняя женщин на «подсобные» работы. Смена трудовых ролей ведет к преобразованию матриархального сообщества в патриархальное (назовем его неопатриархальным). И если в традиционном патриархате формы бракосочетания (умыкание и калым) сохраняются неизменными, то в рамках перехода от матриархата к неопатриархату покупка жениха трансформируется в приданое невесты. Умыкание же будущего мужа постепенно становится достоянием фольклора.

Подведем итоги нашего теоретического экскурса. В соответствии с позицией Каутского основной детерминантой эволюции брака выступает межполовое разделение власти. По мнению Коллонтай, это обстоятельство, в свою очередь, предопределяется ролью того или иного пола в системе хозяйства.

Итак, экономическое господство пола приводит к господству политическому, моральному и всякому прочему. Некоторые зафиксированные этнографами обряды² можно интерпретировать как остатки сексуального господства женщин. Значит есть основания полагать, что в рамках матриархальных культур женщины были инициаторами полового взаимодействия, активной стороной. А процесс «ухаживания» имел, если не совершенно противоположный, то весьма отличный от патриархального вид. Добавим, что изучение типологии мужской и женской сексуальности также говорит в пользу подобного предположения.

² Приведем пример: «На юге острова Киригина и острове Вокута женщины, занимающиеся коллективной прополкой, имели право напасть на любого замеченного ими мужчину, если он не был жителем их деревни. Право это осуществлялось женщинами... с рвением и энергией. Передать подробности нападения не представляется возможным. Отметим лишь, что женщины, заметив мужчину, сбрасывали с себя одежду, нагими набрасывались на него, подвергали насилию и совершали над ним непристойные действия» [6, с. 133, 136—137].

Теперь о генезисе платного брака. В условиях равноправия полов естественно, никакой платы не было. Обряд бракосочетания осуществлялся в виде эквивалентного дарообмена. Проиллюстрируем это этнографическим описанием примитивного индейского племени. «Если, например, молодой человек увидит девушку, которая понравилась ему, он дарит ей маленькую чашечку или корзинку, сплетенную из нитей пшеницы. Если она примет этот подарок, то это значит, что его предложение принято. В таком случае она дает ему взамен раскрашенный головной убор, собственноручно приготовленный ею. Затем они живут вместе без всяких дальнейших церемоний» [2, с. 26]. Известны также племена, в которых с брачной инициативой могла выступать девушка³.

Возникает вопрос: почему брачующиеся не договаривались «просто так», не обмениваясь предварительно дарами? Видимо, ответ кроется в склонности человека, особенно в далеком прошлом, к обрядам и ритуалам. Ведь они — «осязаемые» регуляторы поведения и к тому же придают действиям некую торжественность и глубинный смысл. Договор, этикета, всегда кажется (а часто и является) более прочным, нежели устное соглашение, хотя даже и в этом случае стремятся «ударить по рукам».

Когда какой-либо пол начинает занимать главенствующее положение в системе хозяйства и в сообществе в целом, обряд бракосочетания осуществляется в виде неравного дарообмена. Доминантный пол как более «богатый» преподносит больше — соответственно собственному экономическому положению. По сути относительно своего материального состояния брачующиеся стороны производят равный дарообмен, в абсолютном выражении дары не равны друг другу в той мере, в какой не равны состояния сторон. Кроме того, в отношении субдоминантного пола принуждения вырабатываются особые манипуляции — ритуализованные и обязательные символические действия. Так, собственно, и завершает свое становление обряд бракосочетания — процедура соединения судеб.

Затем, уже в ситуации господства одного из полов, магическая сила брачного обряда увеличивается нормами обычного права, все более сакрализуется и, наконец, получает регламентацию в светском праве. Вместе с тем, как отмечалось ранее, «половое» господство есть результат разделения производительных сил, что порождает и товарно-денежные отношения. С возникновением экономического рынка принуждение подчиненного пола к вступлению в брак совершается в виде акта купли-продажи, т. е. экономическое господство подразумевает отношения собственности. «В покупном браке, — подчеркивает Каутский, — дело идет только о приобретении собственности, поэтому размеры прав мужа на обладание женой часто зависят от величины выкупа, уплаченного за нее. У арабов-гассани, живущих в Нубии, число дней в неделе, в продолжение которых жена обязана быть верной своему мужу, зависит от числа голов скота, уплаченного им за нее» [2, с. 15].

Господствующий пол получает возможность обладать подчиненным полом на правах собственника. Поэтому в условиях матриархата женщина покупает себе мужа (мужей), в условиях патриархата мужчина — жену (жен) в соответствии с возможностями, желаниями, а также социальными представлениями нравственности и престижа. Так складывается покупной брак.

³ Л. Морган описывает следующий обычай: «...девушка, которой понравился молодой человек, может обратиться к нему с секретным посланием, содержащим вопрос: хочешь добывать для меня еду? — что представляет собой брачное предложение» [7, с. 338].

Но содержание его не исчерпывается регулированием межполовых экономических связей.

Патриархальное общество — это общество тотального нормирования и регулирования индивидуального поведения. Здесь патриархальные структуры (вождь, клан, отец) осуществляют все действия, входящие в процедуру бракосочетания: а) принятие решения о необходимости (желательности) вступления в брак; б) выбор брачного партнера; в) заключение соответствующего договора; г) исполнение самого обряда в том числе символических и формальных действий, а также ритуальной трапезы.

Следовательно, вступление в покупной брак выходит за рамки интересов только брачующихся. Этот процесс служит и регулятором родоплеменных отношений с их сложной историей и спецификой. Калым является собой функцию двух социальных феноменов — межполового разделения власти (экономической и т. д.) и деятельности патриархальных структур, — по мере изменения которых эволюционирует и покупной брак.

С включением женщины в общественное производство в XX веке происходит постепенный переход (возврат?) к равноправию полов. Коллонтай отмечала: «Уж на что женщина бесправна у киргизов, башкир, калмыков, этих современных кочевников, где еще сохранились прежние, почти первобытные формы хозяйства, но стоит семье башкирской или киргизской перейти на оседлую жизнь в городе, а женщине-киргизке пойти на заработки, — и смотришь, власть владыки-мужа на глазах слабеет...» [5, с. 12]. Эта зависимость носит универсальный характер: «...если у замужних женщин... экономические возможности улучшаются, это тоже отражается на их внутрисемейном статусе, о чем свидетельствует быстрое исчезновение патриархальной власти в семьях некоторых важных групп иммигрантов в Соединенных Штатах» [8, с. 172].

Что же касается регулирования взаимодействия патриархальных структур, то эта функциональная особенность калыма сохраняется пока они остаются в обществе. Тоталитарный строй, установившийся в СССР примерно с середины двадцатых годов, по своей природе хорошо «стыковался» с патриархальным укладом, существовавшим в мусульманском регионе до Октябрьской революции. Тоталитаризм органично слился с патриархальностью. Потому и не потребовалась переориентация массового сознания по отношению к структурам власти. С точки зрения обыденного восприятия политических институтов революционных изменений не произошло. На смену патриархам — ханам, священнослужителям, баям, пришли представители тоталитарной системы: председатели колхозов, секретари райкомов и обкомов. Управление стало более детальным, а иерархия более четкой. Сменились сакральные символы и догматы, но это мало что изменило. Вновь обретенные идеологические формулы так же были далеки от реальности, как и прежние.

Главное, сохранялся, весьма слабо эволюционируя, патриархальный уклад. Сохранялся и калым как его функция. Правда, идеологический аппарат на всех уровнях предпринимал неоднократные кампании по борьбе с калымом, вынужденно признавая, что «кое-где этот пережиток еще существует». На парадоксальность происходящего мало кто обращал внимание. Тоталитарно-патриархальная система сама порождала калым и сама же тщилась покончить с ним путем увещаний и уголовного преследования. Когда кошка крутится, пытаясь поймать свой хвост, выражение ее мордочки при этом серьезное и даже озабоченное. Так республиканские патриархи ловили следствие (хвост) собственного функционирования. Отменить калым означало побороть самих себя. Это было невозможно в силу того, что структуры тоталитарной власти не обладают способностью самоликвидации.

«Появилась нехватка невест — жди конца света», — говорят туркмены. В последние годы на брачном рынке региона «дефицит» невест — размер калыма сравнительно быстро увеличивается. Однако причина не в «дефиците» девушек на выданье, по крайней мере не только в нем. Хотя, конечно, порожденный эндогамными этническими и племенными барьерами, он сыграл свою роль в увеличении калыма. В каком-то смысле поговорка оказалась справедливой — «конец света» (читай: охватившие общество кризисные явления) близился.

Патриархальность как свойство личности и системы укоренилась в регионе гораздо глубже и прочнее, чем это может показаться читателю, проживающему вне его. До революции здесь исторически еще не успело сформироваться понятие «взятка». Плата дани, поборы, подношения власти имущим считались естественными. Тоталитарная структура, насаждаемая «сверху», впитала спонтанно идущий «снизу» «нектар власти» — взятку.

Еще не определена пропорция, в которой находятся величина взяток и размер украденных (в самом широком понимании) благ, но уже можно говорить о зависимости (функциональной или статистической?) между двумя переменными. «Взятки — воровство» — самостимулирующий механизм с обратной связью. Увеличение суммы ворованного приводит к повышению размера взятки, что, в свою очередь, увеличивает сумму ворованного. Функционирование данного механизма — одна из причин роста калыма. Деятели теневой экономики он выгоден — это престижно.

Высокая нормативность поведения в атмосфере патриархального бытия заставляет и «простых людей» старательно подтягиваться к верхней планке. Нередко все усилия семьи направлены на накопление необходимой суммы. Бывает, что она экономит во всем — от еды и одежды до предметов длительного пользования, а отсюда вытекает ряд социальных проблем.

Случаются и крайне нелепые ситуации. За девушку требуют значительный калым. Родители жениха не обладая нужной суммой, берут займы (по данным нашего опроса подобное происходит в шести случаях из десяти; на покрытие долгов уходит около шести лет). После свадьбы молодая семья отделяется, и супруги уже вместе вынуждены в течение длительного времени терпеть лишения, дабы расплатиться с кредиторами.

Мы не против калыма как обычая. Многие ритуалы, надо признать, украшают и даже одухотворяют нашу жизнь. Проблема в том, чтобы снять с калыма негативную «социальную нагрузку», упразднить категорическую императивность, сделать символическим размер выкупа. Отметим, что и до революции, и в первые годы после нее предпринимались попытки административного вмешательства. «В 1923 г., — пишет Я. С. Смирнова, — съезд Советов Ингушского округа разрешил сокращенный „условный калым“ в размере 200 руб. и двух комплектов одежды для невесты...». В 1925 г. он был доведен до 25 коп., при этом предусматривались также расходы на свадьбу и угощение (25 руб.), подарки невесте (75 руб.), при похищении девушки с ее согласия — 25 руб. на примирение с родителями [9, с. 124]. Разумеется, такого рода мероприятия не могли решить проблемы.

Сейчас это стало возможным в процессе перехода от патриархального бракосочетания к демократическому, т. е. когда все элементы структуры бракосочетания реализуются самими молодыми.

В Вавилоне существовал интересный обычай. Принято было устраивать, выражаясь современным языком, брачный аукцион. Для его ведения в каждом округе избирались трое уважаемых мужчин. Они собирали всех незамужних девушек, достигших брачного возраста. Вначале «вы-

ставлялась» самая красивая, и ее отдавали в жены холостяку, предложившему наибольшую цену. Затем — менее красивая и т. д., пока красавицы не заканчивались. Деньги, вырученные от их продажи раскладывались как приданое для не блещущих красотой, причем самой неприглядной причиталась максимальная сумма. Желающие получали жен с приданым [10, с. 76]. На этом примере видно, как порой легко выкуп невесты превращается в плату за жениха (в данном случае в форме приданого).

Характер бракосочетания — всегда отражение основных параметров общественной системы, включая представления о социальной справедливости и благе. Когда один из партнеров покупается, значит, оба не свободны. Дать им свободу — дать новое общество. Следовательно, решение проблемы калыма — задача далеко не региональная.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дарвин Ч.* Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
2. *Каутский К.* Возникновение брака и семьи. Пг., 1918.
3. *Макаренко А. С.* Пед. соч. в 8-ми тт. Т. 5. М.: Педагогика, 1985.
4. *Макаренко А. С.* Указ. соч. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.
5. *Коллонтай А. М.* Положение женщины в связи с эволюцией хозяйства. М.: Госиздат. 1921.
6. *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.
7. *Морган Л. Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935.
8. *Вогел Э. Ф.* Семья и родство // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
9. *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983.
10. *Шашков С. С.* История русской женщины. Т. 1. Спб., 1898.